

Иларион Владимирович Голицын. График, живописец, скульптор, представивший в этих жанрах прекрасные образцы, отмеченные международными, всесоюзными и российскими премиями и наградами. Его работы находятся в Третьяковской галерее, Русском музее, Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, других крупных музеях страны и в зарубежных собраниях. Заслуженный художник Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии художеств. Один из активных и уже легендарных «шестидесятников», которые, можно сказать, «перевернули» отечественное изобразительное искусство.

Иларион Голицын:

Боюсь стать слишком взрослым...

— Окончил я в 1953 году факультет художественной обработки дерева Московского высшего художественно-промышленного училища, бывшего Строгановского. «Строил» корабли, точнее — проектировал их интерьеры. Затем поступил печатником в офортную студию Евгения Сергеевича Тейса — вошел в среду художников. Вскоре был принят в Союз художников...

Счастливо женившись на внучке скульптора Ивана Семеновича Ефимова Наталье Адриановне, переехал в Москву из Дмитрова, куда нашу семью сослали в 1929 году. В недавно изданных «Записках уцелевшего» моего дяди, брата отца Сергея Михайловича Голицына, подробно рассказывается о мытарствах и бедах, выпавших на нашу долю. Ведь и я — один из «уцелевших». В Москве я попал в знаменитый дом в Новогирееве, где жили художники — единомышленники, ныне составившие славу и гордость русского искусства, — Фаворские, Ефимов, Жилинские, Шаховские, Кардашевы. Содружество столь разных, даже по возрасту, мастеров, естественная связь поколений, моральная и материальная взаимопомощь и поддержка — по-моему, идеал творческих отношений. Постоянно я чувствовал помощь всех, особенно Владимира Андреевича Фаворского, его отцовскую ласку и понимание. Он оказал на меня огромное человеческое и профессиональное влияние. Его дорогое имя всегда останется для меня святым. Тема «Фаворский» проходит через все мое творчество. Хочу передать облик Владимира Андреевича — художника, учителя, человека, бывшего для меня эталоном человечности.

— Он был вашим учителем?

— Одним из них. Первым, конечно, мой отец Владимир Михайлович Голицын, бывший моряк, литератор, прекрасный художник, иллюстратор книг. Я часами мог стоять у стола и смотреть, как двигается его тонкая колонковая кисть. Сам стал пробовать рисовать. Когда осенью сорок первого года его по ложному доносу увидели темные люди, последними его словами были: «Ларюша, больше рисуй!» Уже в письме, присланном из тюрьмы, советовал: «Ларюша, изучай великих мастеров, но не подражай им слепо. Они умели сильно чувствовать — в этом и была их сила. Ну, конечно, необычайное их мастерство. Главный же твой учитель — природа». Тогда я написал акварелью с натуры свое первое дерево и стал природником низшей квалификации. С тех пор все вокруг дома и дальше — заборы, дома соседей, столбы и деревья стали «моими». А наставлениям отца, который умер в тюрьме в 1943 году, следуя всю жизнь.

Первые живописные работы показывал Павлу Дмитриевичу Корину, другу отца. Своими учителями считаю также Ива-

на Семеновича Ефимова и Евгения Сергеевича Тейса...

— Вы упомянули о том, что вначале стали «природником низшей квалификации». Что это такое?

— Разделяю художников, естественно, несколько формально, на две категории — стилистов и природников. Первые, по-моему, — это те, кто вдохновляется уже сделанным другими. Все это было бы и неплохо, если б не крайность — стилист-плагиатор. Он берет все чужое — от технических приемов до характера, положим, письма или пространственного решения. Природник же уповаешь лишь на натуру, он ее послушный раб, без нее не мыслит своего творчества, его развития. Но и здесь крайность — вялость, безволие, бездумное срисовывание. Притом он непременно бьет себя в грудь: «Я — реалист!» Но какой же реалист?! Он крадет у природы ее искренность и чистоту, выдает их за собственное. Ну это же воровство! Вот и мечутся художники между этими крайностями.

— А кем вы себя считаете?

— Стараюсь брать самое ценное и у тех, и других. Конечно, без их крайностей. Както меня поразила такая пушкинская строка: «Он вечно тот же, вечно новый...» По-моему, она и таит секрет любого истинного творчества. «Вечно тот же» (стилист), «вечно новый» (природник). Вот из этого и рождается настоящий художник, творец, новатор. Рождается произведение высшего художественного качества.

— Что же самое важное в «этом качестве», словом, в искусстве?

— Когда такой вопрос задали Павлу Кузнецову, тот ответил: «Свое пространство». Стилист, как правило, не открывает и не пытается открыть «свое пространство». Он берет чужое решение этого самого «важного в искусстве». И понемногу превращается в стилизатора. А это уже бранное слово. Часто бывает — идешь по выставкам и видишь: взято там-то, у того-то...

— Какой же главный недостаток вашего творчества?

— Наверное, стилиевой разброс. Мне уже за шестьдесят, но я еще как бы выбираю свою дорогу в искусстве. Тогда как художники моего поколения идут прямо и твердо по избранному ими пути. Но, с другой стороны, я боюсь закрепленности за каким-нибудь одним жанром, стилиевой стабильности, постоянного материала. Я боюсь стать слишком взрослым. А потом — такой у меня характер, и с этим я ничего не могу поделать...

— Уж не хотите ли вы в своем творчестве вечно быть молодым?

— По-моему, вечные поиски «омолаживают» творчество. Думаю, что главная моя удача, главное мое произведение — еще впереди.

— Каково, по вашему мнению, нынешнее состояние художественной жизни России?

— Россия богата талантами, у нас много одаренной молодежи, но художникам сейчас трудно. Молодежи — тем более. Хочу сказать: дерзая, открывая новое, бережнее относиться к традициям, к опыту прошлых поколений. Без опоры на них не может быть истинного новаторства, подлинного творчества. Поспешный отказ от традиций ни к чему

хорошему не приведет. Уважение к традициям, их изучение, хорошая профессиональная школа — сердцевина любого творчества. Мне кажется, что в таком плодотворном направлении работают такие молодые художники, как Наташа Захарова, Иван и Елена Шаховские, Борис Марковников, Никита Родионов, Николай Наседкин, Елена Маликова...

Я не знаю, что поддерживает их, но меня в их возрасте поддерживало отсутствие страха перед трудностями жизни. Самые тяжелые бытовые, иные моменты я превращал в радость для себя — ведь я дышу, смотрю, могу рисовать, общаться с друзьями. Вспоминаю набитые людьми электрички, где рождались мои первые серьезные работы. И всегда меня поддерживали стихи. Первое из них — Велемира Хлебникова:

**Сегодня снова я пойду туда,
на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
с прибоем рынка
в одиночку...**

Искусство должно возвышать человека, поддерживать его в многотрудной жизни, помочь выжить. Вспомним великих мастеров раннего Возрождения. Какой восторг они испытывали перед жизнью, ее красотой! Вспомним Андрея Рублева — его «Троицу», Феррантовы фрески Дионисия, русских портретистов XVIII века, Венецианова и его школу, Врубеля, Борисова-Мусатова, Павла Кузнецова...

— Сегодня трудно найти человека, не интересующегося политикой, не рассуждающего о ней. Но, заметил, вы избегаете говорить о политике...

— Не говорю о политике не потому, что она мне безразлична. Но сказать что-либо существенное, значительное — надо хорошо подумать. Сейчас столько говорят, столько дают советов и обещаний!.. Но чем я действительно болен — это разрушением культурных связей наших замечательных стран ныне так называемого ближнего зарубежья. Политическая и экономическая обособленность их нарушила культурные связи, и долг наш, художников, я вижу в возрождении воссоединения культур на более высокой духовно-нравственной основе.

— Вы — представитель одного из древних и знатных в России княжеских родов, который дал стране немало славных государственных, военных и общественных деятелей, ученых, писателей, художников. Откуда ведет свое начало род Голицыных?

— С XIII века от Великого князя Литовского Гедиминаса. Поэтому на нашем гербе — литовская «Погонь», то есть рыцарь, скачущий на коне. А также — герб Новгородца, ибо сын Гедиминаса Наримунд, в православии Глеб, был князем и воеводой города. Гедиминовичи по знатности участвовали в России лишь Рюриковичам. По-

этому нас, Голицыных, приглашают в Литву на праздники, посвященные Гедиминасу, встречают тепло и торжественно. Тем более что в самой Литве Гедиминовичей нет...

— Если когда-нибудь Литва пожелает стать монархической, то, видимо, на трон пригласит кого-нибудь из Голицыных!

— Не только нас. Но Гедиминовичи — это и Трубецкие, и Хованские, и Куракины.

— А ваша прямая ветвь!

— От Ивана Алексеевича Голицына, комнатного стольника царя Ивана. Кстате, его портрет, исполненный Андреем Матвеевым в 1728 году, висит в соседней комнате. Мой прадед Владимир Михайлович был губернатором, затем городским головой Москвы. Известен тем, что соорудил в городе водопровод, провел канализацию, пустил первый трамвай. Он также возглавлял совет Третьяковской галереи. Его портрет создан в 1905—1906 годах Валентином Серовым, он широко известен. Дед мой Михаил Владимирович — видный земский деятель.

Один из моих предков — писатель и дипломат Дмитрий Алексеевич Голицын. Человек большой культуры, широких взглядов. Дружил с Вольтером и Дидро. Будучи во Франции, уговорил скульптора Фальконе приехать в Россию и взяться за сооружение памятника Петру I — знаменитого Медного всадника. По заданию Екатерины II он скупал в Европе художественные ценности, коими пополнял императорский Эрмитаж, ныне один из крупнейших в мире музеев. О Дмитрие Алексеевиче недавно вышла книга, написанная моим другом Грантом Цверавой.

Интересной личностью был и его сын — Дмитрий Дмитриевич Голицын. В его честь в США, в штате Пенсильвания, назван город — Голицын. Он был первым католическим священником, рукоположенным в Америке, а не присланным из Европы. Он много сделал для жителей тех мест. Его считают святым, до сих пор вспоминают с большим уважением. Даже поставили в городе памятник ему.

— После 1917 года князей Голицыных ожидала трагическая участь...

— Да. Многие погибли, были репрессированы, сосланы в лагеря, заключены в тюрьмы, как мой отец. Но, несмотря на страшные невзгоды, обрушившиеся на Голицыных, мы выжили. Некоторые стали известными деятелями культуры и науки, писателями, художниками. Так, мой двоюродный брат Георгий Сергеевич Голицын — физик, академик. Родной брат Михаил Владимирович — геолог, доктор наук, профессор Московского университета. Сестра Елена Владимировна — архитектор, реставратор памятников зодчества.

— Что помогло вам выжить, уцелеть?

— Жестокое преследование рождало противодействие, жизненную сопротивляемость, возвышали дух, рождали уверенность в своей правоте, в нужности для России, а не для временных властных режимов. Когда трудно, надо спасаться работой, которая дает нравственные, моральные и даже физические силы...

— Это, наверное, можно считать и вашим жизненным кредо!

— Вполне. В работе, в творчестве нахожу себе поддержку в жизни. Особенно сейчас, после того, как недавно потерял самых близких себе людей. В поисках жизненной защиты я все больше бросаюсь в работу, и только она спасает меня от любых бед и трагедий, только работа возвращает силы и уверенность.

Беседу вел
Евграф КОНЧИН.